

НЕЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД ОКСАНЫ МЫСИНОЙ

«Я не стала музыкантом, потому что сестра играла чуть лучше».

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

У нее муж-иностранец, она играла у самого Камы Гинкаса и недавно дебютировала в роли режиссера. Она стала актрисой, потому что не хотела быть второй после сестры-музыканта. Кто-то называет ее потрясающей, кто-то контрастной, кто-то просто предпочитает не замечать. В жизни она очень подвижная, веселая и озорная. В ней много мужского и немного женского. В своем спектакле она играет Санчо Пансу. Сама следит за декорациями, искренне переживая из-за поломанного при перевозке стула, возится с костюмами, ссорится и мирится с актерами. Оксана Мысина производит впечатление человека жутко упрямого и по-хорошему беззаботного. «Вы будете с этой самой?» – спрашивает она меня, энергично изображая руками диктофон. «С этой самой», – киваю я. «Ну, начинайте!» – Оксана решительно садится на стул и внимательно смотрит мне в глаза.

– Каково это – играть мужичу, толстенького и на осле?

– (Улыбается) Ну, во-первых, я не играю мужчину, а во-вторых, спектакль мы играем уже целый сезон – здесь, в «Театре наций», будет просто его новая версия. Иное пространство, иной Дон Кихот – Алексей Зуев. Леша уже сыграл пять или шесть раз в том сезоне, но теперь все по-другому. А что касается моего Санчо, то в нашем спектакле это второе «я» Дон Кихота, его женское начало, его мучитель, его провокатор...

– То есть никаких атрибутов обычного Санчо Пансо в вашей роли нет?

– Дело в том, что спектакль ставится по современной пьесе драматурга Виктора Коркия. Это Дон Кихот на русской почве. Россиант и ослик, к примеру, в нашем спектакле – это ангелы-хранители. Актеры Игорь и Аллочка Сальниковы маленького роста, карлики. Они – бывшие музыканты, Игорь Иванович – знаменитый саксофонист, Аллочка – танцовщица. И они согласились у меня играть, мы старые друзья, играли как партнеры у Льва Анохина. И теперь вот вместе. У обоих совершенно необычные роли – никаких осликов или там лошадок. Просто те субстанции, без которых Дон Кихот и Санчо быть не может.

– А по жизни вы – Дон Кихот или Санчо Панса?

– (Задумалась) Ам... (Смеется) Не знаю я. Тут, наверное, все сошлось. Да и не мне судить.

– Какие-то черты есть от того и другого?

– Ну, сумасшествие налицо и на лице (смеется). А максима-

лизм и какая-то детская непосредственность, я бы даже сказала, глупость – их я стараюсь в себе сохранять, и куда мне не деться от них в нашей профессии.

– За счет них она и существует?

– Для меня – да.

– Никогда не раскаивались, что выбрали этот путь?

– Раскаивалась? Да вы что?! У меня такая жизнь – я снимаюсь в трех фильмах. Сейчас Виталий Мельников делает картину «Мой бедный, бедный Павел» в Питере, я играю императрицу Марию Федоровну. Только что снялась в экранизации Шукшина, по рассказам «Вянет, пропадает» и «Хмырь», – совершенно противоположная работа. Продолжаются съемки картины «Все красное», там Виталий Мефодиевич Соломин сыграл свою последнюю большую роль. И все это – параллельно. В Театре Пушкина у Козака 24 октября играю в премьеру, а здесь у меня – «Дон Кихот». И когда я понимаю, что мне некогда поспать и поесть, я говорю себе: «Оксана, ты же об этом всю жизнь мечтала!». Это именно то, к чему я шла.

– Но ведь это сейчас у вас все так хорошо. А были наверняка моменты, когда ничего не получалось и хотелось все бросить?

– У меня было несколько таких дней – я плохо себя чувствовала, потому что пришлось бросить курить. Просто физически падала. И впервые в жизни запомнила себя в состоянии, когда не хотелось абсолютно ничего – идти на сцену, сидеть дома, сниматься в кино, видеть кого-то. Но парадокс

ФОТО АЛЕКСАНДРА МЕЩАНИНОВА

«Люблю путешествовать». В Нью-Йорке.

этой профессии в том, что, знаете, как бывает – когда ты видишь не можешь сцену, ты играешь лучшие свои спектакли. Открываются клапаны, третье-четвертое, какое угодно дыхание – и ты замечаешь в себе вещи, которых в принципе от себя не ожидала. Спонтанность, стихийность...

– Ваша карьера похожа на сказку из серии «Помогла удача»?

– Слово «удача» я вообще не понимаю – это такая отвратительная вещь! Какая там сказка?! Я от страха перед тем, какая я есть, не стала поступать ни в один театральный вуз, пошла в музыканты. Четыре года отучилась в Гнесинском по специальности «Альтистка». Была даже распределена в Омский театр оперы и балета. И только в двадцать один год поняла – надо что-то делать, иначе я лопну. Начала биться в стены всевозможных театральных институтов. Правда, уже тогда я три года играла в Театре на Красной Пресне у Спесивцева – птицу Феникс.

– Москвичке легче было, наверное, поступать?

– Я родилась не в Москве, хотя с восьми лет тут живу. До этого мы жили в Донбассе, в крошечном поселке посреди степи. Папа

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

работал на шахте, мама была сейсмологом. У моей сестры большой талант, она играет на скрипке, и родители поняли в какой-то момент – надо ехать в столицу. Все бросили, продали машину, дом, сюда приехали без денег, много лет снимали квартиру, и нас учили, учили, учили... Английская спецшкола, музыкальная школа... Всю жизнь вкалывали. И вот моя сестра Марина сейчас очень известная альтистка, работает в Испании по контракту, у нее свой квартет, выступает со Спиваковым. Так что какая тут удача – мы просто с детства привыкли много работать.

– Музыкантом не стали из-за взрывного характера?

– У меня был комплекс – всегда чувствовала себя «номер два» рядом с сестрой. Когда ты понимаешь, что тоже можешь что-то, но рядом есть тот, кто может гораздо больше... Это заставляет задуматься и искать что-то другое. У меня хороший слух, но по технике я всегда была ниже своей сестры. И потом, я излишне эмоциональна, во время выступлений всегда много волновалась, были мокрыми руки. До сих пор помню это ощущение страха и скованности. А когда я на сцене как актриса, страха нет. Наоборот, у меня азарт.

– Вы уже можете сказать, что сложнее – быть режиссером или актером?

– Ух... Мне безумно приятно быть режиссером, но у меня пока нет до конца этой возможности, потому что я в своем спектакле сама и играю. И я мечтаю о том, чтобы (надеюсь, что через несколько месяцев он наступит), когда не буду вылезать на площадку, а займусь этим как должно. Я хочу поставить в Театре наций пьесу Виктора Коркия «Эдип». Сейчас ждем государственные деньги – Лужков дает средства на экспериментальные вещи, и мы надеемся выиграть конкурс. Получится – начнем ставить. Проиграем – будем искать нужную сумму где-нибудь еще, потому что это надо сделать. Просто мечтаю, чтобы современная пьеса увидела свет.

– Актеры слушаются женщину-режиссера?

– (Смеется) «Слушаются!» Ну это же не детский сад! Мы вместе сочиняем. Я обожаю, когда артисты не слушаются! Потому что послушные люди – это уже не художники. Поэтому стремлюсь именно к тому, чтобы им было что сказать. Можно сыграть так, можно иначе, но есть какие-то вещи, которые для нас, людей, выходящих каждый день на сцену и общающихся со зрителем, нужно иметь в душе. То, через что ты можешь передать другим важную частичку – может быть, даже себя. Тем самым поменяв что-то в человеке. Да, понимаю, это где-то максимализм. И понимаю: театр – такая штука, где мы обольщаемся, будто можем поменять мир своими ролями. Но до сих пор нахожусь под впечатлением – ездили со спектаклем Камы Гинкаса «К.И.» в Тбилиси. Сыграли там три раза. И я еще и сейчас получаю письма от людей, которые говорят, что спектакль перевернул их жизнь. Значит, что-то там произошло, что-то включилось, не знаю, как это объяснить, просто думаю – вдруг это действительно я сделала, вдруг это возможно?

– Работа с Камой Гинкасом – это...?

– Это неизмеримое космическое счастье. И возможно, я начала ставить спектакли, потому что дико захотелось передать другим актерам это состояние, память необыкновенного контакта режиссера с актером.

– Значит, на площадке вы не строгая?

– (Смущенно улыбаясь) Разная... Я очень люблю актеров, и мне интересно с ними работать.

У нас талантливая команда с новыми возможностями. Алексей Зуев – настолько еще непонятный актер, и так он может изменить роль Дон Кихота! Я уже буду старушкой, а он продолжит играть, и каждый раз по-новому, с потрясающим кайфом. Конечно, я могу заорать – это обязательно в русском театре, без этого не будет в воздухе нужного заряда. Но я никогда не буду оскорблять людей. Слишком часто в театре самой приходилось через это проходить, и в нашей труппе хочется жить без этого. Категорически. Если мы расстанемся по творческим соображениям и у нас заканчивается любовь – прекрасно. Остаемся друзьями, идем дальше, ищем других актеров. У меня за этот год было несколько ситуаций достаточно критических для спектакля, и тем не менее я не порвала с людьми, которые ушли. Мы продолжаем общаться, но на их месте играют сейчас другие.

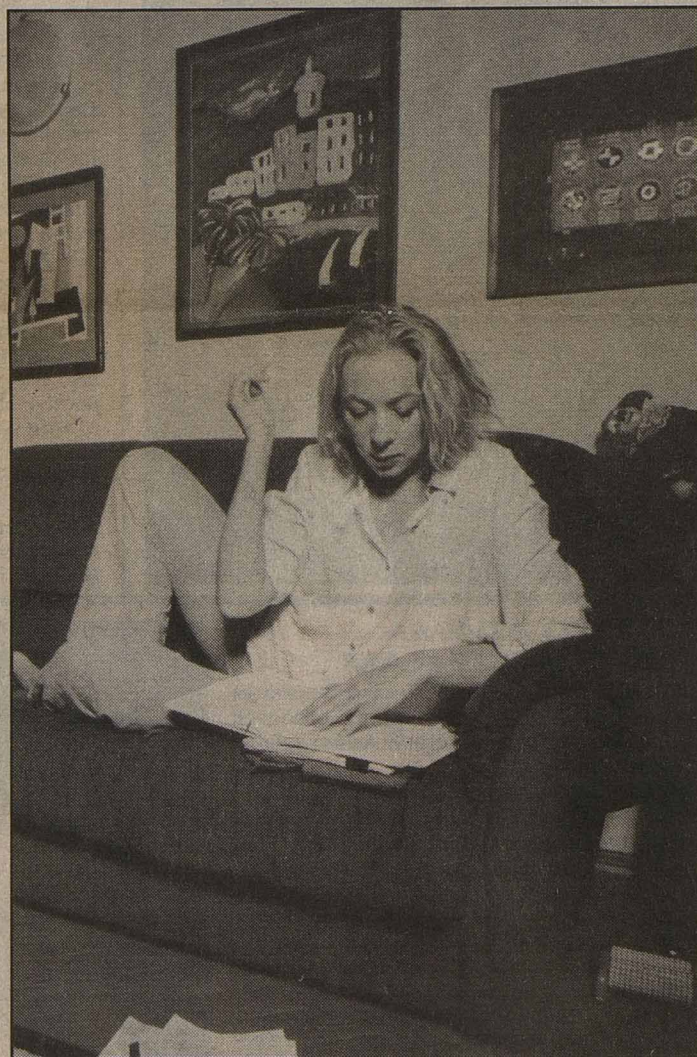
– Есть любимая роль в кино?

– (Задумавшись) Надеюсь, что она впереди. Идем туда. На самом деле, я учусь сниматься в кино. Это абсолютно другая профессия. В «Семейных тайнах» у Цыплаковой очень большая была камера. Вот недавно снималась с Янковским в одной сцене «Павла» – наблюдала, как он играет, как

На репетиции спектакля «Кихот и Санчо». Режиссер и актриса одновременно.

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

«Когда я умоляю мужа дать мне помыть посуду, он говорит: «Иди лучше почитай».

С мужем Джоном: «Какая разница, иностранец, инопланетянин... Главное, мне с ним интересно».

ФОТО ВИКТОРА ГОРЯЧЕВА

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

появляется тот самый его знаменитый огонек в глазах. А себя я с трудом воспринимаю на экране, хотя уже успокоилась и по поводу своих ушей, и по поводу своего носа. Одна проблема – в кадре остаться. Верчусь очень, часто выпадаю (смеется). И потом, это ж мука такая – отснял эпизод, а ночью не спишь и думаешь: «Ну почему я не сделала вот так?! Ведь можно же было!». В театре вот, кстати, легче – сразу видишь, попал или не попал.

– Проколы на съемках бывали?

– Там все бывает. Однажды в «Семейных тайнах» снимали двенадцать дублей подряд – когда я играла пьяную. Делали по шестнадцать сцен в день, я вымоталась жутко. Елена Цыплакова говорит: «Ничего страшного, откроешь вино, отпоешь, и кадр готов». А я усталая, голодная. Выпила – и не понимаю, что происходит, где я, кто я, что должна делать. В общем, снимали двенадцать раз, и от дубля к дублю все хуже. Талант, если он у меня есть, заснул, умер, осталась пьяная бездарная женщина, которая отчаянно ныла: «Увезите меня домой!». А на меня кричали: «Работай! Мы не можем отменять съемку!». Утром я пришла, извинялась, просила переснять. Но Цыплакова – человек жесткий, сказала: «Вот сегодня работай весь день, останется время – переснимем». И правда пересняли, в трезвом виде я сыграла, но уж какой из дублей пошел...

– Неужели в этой суматохе никогда не хочется на все плюнуть и лечь спать?

– Конечно, хочется. На необитаемый остров уехать хочется. Только не быть домохозяйкой – вот это никогда! Знаете, для меня это какая-то жуткая женщина в фартуке и косынке, которая только и делает, что пылесосит и стирает. Ужасно. Когда у меня возникают такие порывы, мой муж бьет меня по рукам: «Чтобы ты взяла пылесос? Я этого не допущу!». «Джон, ну я же человек, мне иногда хочется посуду помыть!» – «Нет, нет и нет. Лучше поспи или почитай». В общем, думаем уже о посудомоечной машине – сегодня у нас в раковине гора немытой посуды за три дня.

– Тяжело быть замужем за иностранцем?

– Вы знаете, я не думаю о том, что это иностранец, или инопла-

нетянин, или кто-то там еще. Я просто знаю, что это человек, который мне безумно интересен. Каждый день у нас какой-то особенный. Вот бывают у людей праздники, все друг друга поздравляют. А у нас как-то наоборот – в обычные дни делаем друг другу сюрпризы.

– Джон – театральный критик, драматург. Неужели ни разу не хотелось как-то пересечься не только у раковины с посудой, но и на сцене?

– Вот как раз. Джон написал для меня киносценарий вместе с Евгением Лунгиным под названием «Аллегро Модерато». Очень надеемся, что удастся снять по нему фильм. Мы долгое время с мужем жили как будто параллельными жизнями – он пишет там чего-то свое, я играю. А тут вдруг захотелось вместе поработать. Так и родился этот сценарий. Я записала на диктофон свои шепотные мысли, Женя с Джоном потом все это послушали, выбросили в корзину и сочинили сценарий. О творческом человеке, музыканте, очень колючем, неположительном. Это антигероиня, и она неприятна. Но ей можно и нужно все простить, потому что она талантлива, и поэтому все должны быть на ее стороне. Нам хочется снять кино про нормальных людей – интересных, небанальных, не домохозяек (с нажимом на слово), не новых русских, не ментов. Не будет у нас в картине ни одного бритоголового, ни одного милиционера. И не будет «жен главного героя». А то, знаете, я, когда получаю сценарий, там вечно роль жены главного героя. Это штамп, наклейка. Как проститутка, врачиха или домохозяйка. Мне интересны личности. Смешной, страстный, красивый, влюбленный, несчастный человек. Любимой, только яркий и живой.

– Яркого и живого играть будете вы?

– Да, я. А мою сестру – Юлия Рутберг.

– Музыкант с сестрой-музыкантом... Похоже на автобиографию.

– Нет, ничего похожего на нашу с сестрой историю не будет. По крайней мере, я не хотела бы этого. Разве что на подсознательном уровне.

Встречалась
Ника ДРАБКИНА